

знаменія, заставляеть насъ видѣть въ Толстомъ нѣчто бѣльшее, чѣмъ художника-проповѣдника. Этой высокою правдою впервые подлинно заговорилъ съ нами Левъ Толстой.

Все его художественное творчество могло бы быть религіознымъ громомъ и гласомъ, какъ творчество ветхозавѣтныхъ пророковъ Исаи и Іереміи. Но послѣ Христа упразднились пророки. И потому религіозная правда этого творчества, выносящая его изъ всѣхъ рамокъ, заключается въ глухонѣмыхъ зарницахъ, которыми вспыхиваетъ подчасъ подсознательная глубина души князей Андреевъ, Безухихъ, Нехлюдовыхъ. (Недаромъ „*Воскресеніе*“ открывается съ неподобнаго описанія весенней грозы). Въ творествѣ этомъ

„Однѣ зарницы огневья,
„Воспламеняясь чередой,
„Какъ демоны глухонѣмые
„Ведутъ бесѣду межъ собой“.

Тютчевъ.

Самъ Толстой-художникъ—глухонѣмой пророкъ: тщетно пророкъ пытался изречь свое слово въ искусствѣ: и искусство замолчало въ пророкѣ.

А когда пророкъ заговорилъ проповѣдью, обнаружилась ненужность самаго пророчествованія, ибо пророческій типъ есть типъ ветхозавѣтный: пророки до Христа—пророки Слова. Но Слово уже воплотилось, стало Плотью: реальность, подлинность воплощенія отрицалъ Толстой; отрицалъ онъ оттого, что хотѣлъ быть пророкомъ; не по гордынѣ и самонадѣянности хотѣлъ онъ пророчествовать: искренне видѣлъ онъ въ томъ свою миссію, не подозрѣвая, что со Христомъ самая эта миссія упразднена. Оттого то слова о *воплощенной правдѣ* приобрѣтаютъ у Толстого такой отвлеченный характеръ. Привлекая, онъ отвлекалъ; и наконецъ, отвлекшись отъ своей отвлеченности, въ сущности замолчалъ Толстой проповѣдникъ.

„Мысль изреченная есть ложь“.

Эту правду онъ понялъ, какъ понялъ онъ и то, что вся его многословная жизнь—только опытъ молчанія. И когда *это* онъ понялъ, онъ пошелъ умирать: но смерть миновала его. И впервые лучъ какого-то огромнаго религіознаго дѣйствія освѣтилъ на